

© 2007 г.

Г.К. ИБРАЕВА

**ИЗ ОПЫТА ПОИСКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И
ЛЕГИТИМНЫХ СТРУКТУР УПРАВЛЕНИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ**

*ИБРАЕВА Гульнара Кубанычбековна – кандидат
социологических наук, доцент Американского университета Центральной
Азии (Кыргызстан).*

Опыт суверенной истории постсоветского периода на фоне глобализационных процессов в политической, экономической, культурной областях обусловили активные и драматические поиски национальной идентичности и адекватных управленческих структур Кыргызской республике (КР). Одним из источников производства национально-государственной идентичности является нарративная история кыргызов и попытка элит легитимизировать «традиционные» ценности и соответствующие институты управления в контексте демократизации общества. Представления национальной истории и традиционных ценностей среди акторов политического процесса вариативно от образцов времен «традиционной демократии» в формате всенародных курултаев (съездов сограждан) до тоталитаризма эпохи каганатов. Для последнего десятилетия заметным стало обращение к дофеодальной истории кыргызского общества, в котором власть и управление осуществлялись старейшинами родов и кланов, опиравшихся на силу молодых воинов рода.

Конституирование в современном дискурсе власти альтернативных полюсов маскулинизированной власти (а) *власти силы и воинственности*, б) *власти мудрости, знаний и опыта*) приобретают в свете последних

политических процессов в кыргызстанском обществе особую актуальность. Различия указанных полюсов мужественности и власти вписаны в структуру социального пространства как структуры с разнородными символическими капиталами: с одной стороны, образ батыра-воина, обладателя мощи и власти, с другой, – образ мудрого старца, обладателя знаний и опыта жизни. Образ мудрого старца – не новый в ряду репрезентаций маскулинной власти и мужественности. Он представляет архетипический паттерн, часть культурного бессознательного, характерного для каждой культуры. Этот образ почти всегда секуляризован и рационализирован, политическая жизнь и социальные продвижения находятся в его руках. В истории разных стран и народов сохранилось немало источников, свидетельствующих о власти мудрых старцев. То в форме откровенной геронтократической власти, то в форме разного рода институтов, влияющих на принятие решений в государстве и обществе.

Институционализация «мудрой старости» в КР. В социальной организации кыргызского общества исторические нарративы особо выделяют специфическую группу мужчин, аксакалов, или белобородых старцев, которым приписываются такие качества как: справедливость, прозорливость, ораторское умение, патриотизм и служение народу, влияние на политику¹. Ему, старцу – аксакалу, на протяжении кыргызской истории отведены были разные роли: на более ранних этапах истории он непосредственно обладал властью, управлял, находясь на самом верху властной иерархии, позже – уступил власть воину-батыру, при этом, продолжая оказывать существенное влияние на управленческие решения.

Известный исследователь истории центрально-азиатских обществ и наций С. Абрамзон так описывает эту ролевую трансформацию в кыргызском обществе на стыке дофеодалного и феодального периодов: «Центральная фигура киргизского общества на протяжении многих веков – военначальник, батыр. Социальное значение этой фигуры менялось в

своих оттенках, хотя основа оставалась неизменной. На более ранних этапах развития военачальник еще не облачен властью вождя племени или рода. Его роль усиливается лишь в периоды военных столкновений и набегов. В мирное время полнота власти принадлежала родовым старейшинам, которые устанавливали порядок перекочевков, судили и наказывали провинившихся и т.п. Батыр выделялся своими личными качествами, храбростью, воинской доблестью, но власть его в известной степени ограничена старейшиной рода, советом стариков – почетных и знатных лиц. Постепенно батыр узурпировал права родовых старейшин. Последним этапом этого процесса явилось оформление бийства и манапства, как господствующей верхушки киргизского общества, а с ним и феодальных отношений. ...Переходный этап наиболее близок к тому состоянию общества, которое принято называть военной демократией. Все предводители, начиная с отца Манаса² Джакыпа, самого Манаса и кончая сподвижником Манаса Бокмуруном, во всех важнейших событиях общественной жизни, в особенности перед военными походами, созывают на совет аксакалов, мудрых стариков, старейшин, именитых батыров или дружинников, а иногда и весь народ. Еще не утратило своего значения выборное начало. Самого Манаса, как военачальника, избирают седобородые³».

Нарративы истории кыргызов (санжыра) свидетельствуют, что властным основанием, основой авторитета аксакалов служили знания, сумма жизненного опыта. Мудрость аксакалов означала в традиционное время сумму навыков выживания в мирных, но сложных, с точки зрения обеспечения материально-экономического выживания общества условиях. Старцы-аксакалы выполняли функции инициации и образовывали мужские общности, выступали главными носителями взгляда и оценки, владели легитимной монополией на мнение и «голос народа».

В дискурсе культуры / власти современного Кыргызстана активно воспроизводится миф о том, как в досоветском обществе был высок и

непререкаем авторитет мудрых старцев – аксакалов. Риторика ведущих политиков полна ностальгии по непознанному прошлому, в котором по одному только слову совета аксакалов могла окончиться война.

В поисках уникального рецепта демократии политики Кыргызской республики способствовали институционализации «мудрой старости», возрождению старшинства, восстановлению властного авторитета старцев. В 2002 году был принят закон «О судах аксакалов», который подчеркнул парадоксальное значение данного института. В чем заключается его парадоксальность и противоречивость:

1. С одной стороны, суды аксакалов признаются общественными организациями: с другой, – они выделяются законодательно (специальный закон, помимо закона «Об общественных организациях») и встраиваются в структуру децентрализованного государственного управления. Более того, несмотря на то, что формально, по закону выбирать членов суда аксакалов должно взрослое население территории, в реальности «правильных» людей в состав такой институции обычно назначает глава местного самоуправления. Никакой добровольности и гражданской инициативы в такой «общественной организации» не наблюдается. Суды аксакалов как бы получают государственный заказ на выполнение социально значимой деятельности на местном уровне. По закону суды аксакалов обладают полномочиями по решению следующих вопросов на территории: защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов граждан; содействие укреплению законности и правопорядка, и предупреждение правонарушений на территории айлов, поселков и городов; воспитание у граждан уважения к закону, нормам морали и нравственности, исторически сложившимся из обычаев и традиций⁴.

2. Суды аксакалов – структуры двойственного характера. Учреждаемые на законной основе, они представляют собой суды «обычного права»⁵, – такие, в которых традиционный авторитет и уложения *адата*

призваны регулировать отношения людей. То есть, с одной стороны, они руководствуются патриархальной традицией и адатом⁶ в своей деятельности, а с другой – находятся у основания вертикали судебной власти светского государства, в основу законодательства которого положено рациональное право. Более того, каждый суд аксакалов (в отличие от «досоветской традиции и форме социальной организации») не просто – признанная сообществом, легитимная структура управления. Легитимация современных судов лежит через бюрократическую регистрацию в местных органах власти. И сам характер деятельности по форме схож с бюрократической работой профессиональных судов низового уровня (составление протоколов судебных заседаний, процедуры «изучения» дела, периодическая отчетность...). То есть суды аксакалов по форме представляют собой рациональные структуры бюрократического типа, иррациональные по содержанию.

3. Противоречивость судов аксакалов в современном кыргызском обществе заключается и в том, что в основе их создания лежат демократические принципы (развитие самоуправления, децентрализация власти), а в реальной практике они являются ярким примером патриархатных практик исключения социальных групп из управления. Понятно, что исключенными социальными группами в данном случае являются пожилые женщины⁷. В статье первой Закона дается определение судам аксакалов, где жестко не исключается возможность претендовать на участие в деятельности таких судов опытных и зрелых женщин. Тем не менее, само название и апелляция к «традиционным формам демократии» носят скрытый сексистский характер. Практика показывает: возможность работать в составе судов аксакалов умудренным опытом женщинам (байбиче) открыта лишь в единичных случаях, скорее исключениях.

4. Еще один источник противоречий – персональный состав судов аксакалов. Изучение его показало, что, как правило, в такие суды

«выбираются» мужчины пенсионного возраста, имеющие опыт партийной работы или работы в органах Советской власти. В судах аксакалов советское прошлое причудливо сочетается с историей архаической: региональные номенклатурные элиты воспроизводятся как аксакальские институты, причем в особой форме – рационализирующейся бюрократии. Опыт и накопленные в советском прошлом знания позволяют таким «аксакалами» встраиваться в бюрократические структуры, но отправлять правосудие в соответствии с действующим законодательством (КР), да еще «с учетом традиций и канонов адата» для большинства их есть дело непознанное и трудно выполнимое. Медиа неоднократно писали о примерах, когда те или иные суды аксакалов не смогли эффективно справиться с такой двойственной задачей. Зачастую в их решениях возникали противоречия с законодательством страны. Например, на конференции по правам человека в г. Ош сообщалось о многочисленных фактах обращения аксакалов к практике «традиционной» системы наказания: «Есть случай забрасывания камнями, появились зинданы⁸ в селах и т.п. Существуют мнения о необходимости «азиатской» концепции прав человека». Злоупотребления аксакала села А. описаны кейс-стади в публикации «Развитие сообществ в республике Казахстан, Кыргызской республике и республике Узбекистан: последний опыт и извлеченные уроки»⁹.

Немецкая исследовательница гражданского общества в КР Юдит Байер, рассматривает суды аксакалов как «традиционные в сельских регионах Кыргызстана. Они являются до сих пор первой инстанцией, в которую кыргызское население обращается в случае возникновения проблем». Однако обсуждения в печати и оценки экспертов гражданского общества позволяют усомниться в том, что суды аксакалов «нашли свое место в обществе и могут обеспечить безопасность и стабильность людей в переходную эпоху¹⁰» и что общество наделяет суды аксакалов «доверием и уважением».

Тем не менее, суды аксакалов – наиболее развитая структура, существующая повсеместно в ее деятельность вовлечены тысячи «мудрых» старцев (см. таблицу).

Если учесть, что *мужское население старше 70 лет в стране составляет 68202 человека, то выходит: в судах аксакалов востребован каждый десятый старец!* Такое огромное количество мудрецов не ставит целью дальнейшее развитие институции и расширение их властных полномочий: аксакалы не создают сетевых структур и каждая ячейка – суд аксакалов функционирует исключительно на *локальном, местном уровне*. В отличие от других общественных организаций в стране суды аксакалов не стремятся развивать социальные проекты и привлекать инвестиции под такую деятельность. Слабость гражданской инициативы и работа в предписанных государством форматах и рамках – отличительная черта деятельности судов аксакалов. Получается, что статус общественной организации – не более чем воображение политических акторов, инициировавших рождение / реанимацию «традиционных» форм демократии.

Таблица

Количество общественных организаций местных сообществ и численность активистов в этих организациях (ед./чел.)

Название области	Общественные организации Число организаций/ Численность членов	Суды аксакалов Число организаций/ Численность членов
------------------	--	--

Г. Бишкек	263/1320	46/280
Баткенская	238/2265	93/619
Джалал–абадская	814/6885	126/765
Иссык–Кульская	352/6776	97/378
Нарынская	583/7239	115/746
Ошская	1817/14686	330/1814
Чуйская	854/6928	185/1161
Таласская	237/2317	63/456
Всего	5158/48416	1055/6219

Примечание: Данные на начало 2004 года. См.: Общая оценка страны. Бишкек: ПРООН, 2005. С. 23.

Помимо судов аксакалов, в стране созданы и существуют неформальные группы мужчин – пенсионеров, которых в народе очень метко и иронично окрестили «дюжур чал» / «*дежурный старик*». Персонально состав судов аксакалов того или иного уровня зачастую совпадает с составом «дежурных стариков» и обе структуры – суть ветви одной и той же институционализации «мудрой старости». «Дежурные старики» выступают оперативным орудием власти в борьбе с оппозиционными силами, в *создании иллюзии народной поддержки проводимому властями курсу*. Выступая «от имени и по поручению» народа, «дежурные старики» апеллируют к

«традиции» непререкаемого авторитета аксакалов, но выступают всегда так, как велит «курс власти».

Феномен «дежурных аксакалов» не уникален. Помимо архетипических образов, в стране еще не забыта геронтологическая по своему составу советская власть эпохи застоя, и мифы о культуре старшинства являются традиционными для центрально-азиатского региона. Как отмечал П. Бурдьё, «любая власть имеет символическое измерение: она должна получить от подчиненных согласие, основанное не на продуманном решении просвещенного сознания, но на непосредственном и дорефлексивном подчинении социализированного тела»¹¹.

Поколение сегодняшних аксакалов сложилось и заняло социальные ниши в период, когда «институциональный дизайн советской политической системы основывался на доминировании государства над гражданами, что находило отражение и в идеологической риторике, и в политических действиях власти. Какие именно механизмы “культурной рациональности” заставляли советских граждан приспосабливаться к этим политико-институциональным особенностям? Благосостояние отдельной личности прямо зависело от его / ее политической лояльности. В этих условиях советскому гражданину, как рационально мыслящему актору, приходилось приспосабливать свои культурно-политические установки к системе. Наиболее выигршной стратегией была лояльность¹²». Обладая опытом такого рода лояльности, аксакалы оказываются, как никто другой, способны выполнять важные идеологические функции в государстве, неотвратимо и поступательно возвращающемся к авторитарным устоям.

Кто и зачем возрождает институты мудрой старости? Как говорил М. Фуко: «Помимо маргинальных групп, изоляция стариков, с одной стороны, и молодежи, которая еще не в состоянии работать, – с другой, ведут к созданию таких социальных групп, как дети, взрослый мир и мир старости, которые соответствуют совершенно *различным функциям в*

производственном аппарате... Каждая группа обладает функциональной и возникающей под влиянием внешних факторов устойчивостью»¹³. Чтобы понять функциональную природу институтов мудрой старости, важно обратиться к истории их актуализации.

Идея институционализации мудрой старости в Кыргызстане витала с первых же дней провозглашения суверенитета. С одной стороны, именно благодаря рекомендации аксакала Чингиза Айтматова на политическом Олимпе зажглась звезда не очень до тех пор известного в стране Аскара Акаева. С другой стороны, пришедший во власть не традиционными номенклатурными лифтами, а из академической среды А. Акаев в качестве своей команды мог рекрутировать в основном молодых ученых – своих аспирантов и представителей академических кругов. Однако такая кадровая интервенция не должна была стать вызовом сложившимся политическим элитам с самого начала, пока Акаев не упрочил своей власти. Поэтому в риторике Президента КР с первых же дней четко обозначалась связь поколений и высокая роль наставников-аксакалов. Для подтверждения риторики в структуру управления включались «почетные» советники и консультанты Президента КР всех мастей. Кроме того, по мере отхода от декларированного демократического курса и многократных манипуляций с Конституцией страны, власти все чаще обращаются к традиционным авторитетам. Многократно предпринимается попытки вписать «национальные традиции», и, прежде всего, институты старшинства, в национальную идеологию. В последней версии такая попытка получила форму «священных заветов Манаса». Особенно явственно расширяется практика использования «дежурных» аксакалов в политике местного и национального уровня как инструмента манипуляции и лоббирования властных интересов в последний период правления Акаева. Очевидно, что власть (то есть Президент КР как обладатель максимальной полнотой власти), испытывая проблемы с собственной легитимацией, стремилась

укрепиться за счет внешних источников легитимного авторитета, а именно: опереться на власть традиций.

Лично А. Акаев активно стимулировал продвижение Законопроекта «О судах аксакалов», инициировал созыв съезда аксакалов и давал высокую политическую оценку судам аксакалов. Несмотря на трудности вписывания традиционных структур управления в проект либеральной демократии, власти активно использовал «рациональные» доводы: расширения децентрализованного управления, гармонизации и адаптации западных демократических моделей и местной культуры. В реальности включение аксакалов в ткань политического управления обеспечивает небогатому государству сохранение средств на содержание бюрократического аппарата в каждой местности и – что еще более важно – позволяет государству через «партнерскую» институцию «гражданского общества» проникать во все ткани и слои общества с контролем и надзором. Кроме того, возможность продления общественно-политической карьеры для престарелых партноменклатурщиков разного уровня позволяет, с одной стороны, снимать противостояния старых и новых элит и, с другой стороны, создает условия для частичного воспроизводства элит по феодально-династийному принципу¹⁴.

Но стратегия присоединения традиционного авторитета к ослабленному авторитету власти в социальной практике последних лет оказалась не столь эффективной. Властям пришлось опираться на те структуры, которые сами нуждались в поддержке, чья легитимность не была несомненной. Общество, имевшее обыкновение чтить национальные традиции и наращивающее патриархатный потенциал, вдруг усомнилось в естественности структур власти и структур традиционного управления. И отказало им в доверии.

Векторы перемен и перспективы институтов «мудрой старости».
Начиная с весны 2005 г., можно говорить о снижении значения и

адаптивных возможностей институтов аксакалов. Традиционно использованная в марте 2005 г. технология позиционирования аксакалов с правящей элитой неожиданно для большинства из них принесла поражение и «вычеркивание» из «списков лояльных» у установившихся властей. После революционных событий на фоне политической и социальной активизации разных групп населения, усилилась конкуренция за статус законных структур общественного управления, обеспечивающих порядок и стабильность. Разные маргинальные группы – сельская молодежь, группы женщин¹⁵, представители этнических групп, экспертных сообществ и другие оспаривают монопольное прежде право аксакалов на выражение лояльности власти, встраивания в ее структуры и получение дивидендов.

Жизненный опыт аксакалов подвергся девальвации. В ситуации «постоянного перехода» (в режиме путчей, революций и бунтов), а главное – нестабильности элит, обращение аксакалов к советской общественной практике оказалось не продуктивным¹⁶. Советское прошлое и репутация атеистов – разрушителей исконной культуры – отделяет аксакалов и от возможностей окунуться в набирающий силу исламский проект, в котором наиболее успешны молодые и среднего возраста мужчины. Структура аксакальства сегодня не в состоянии удовлетворительно выполнять ни одну из ключевых функций, необходимых для воспроизводства: ни достижение политических целей, ни сохранение культурного образца, ни адаптации к изменяющимся условиям, ни способности положить новые концепты для интеграции социального организма¹⁷.

Косвенными индикаторами падения авторитета старших являются данные статистики о брошенных родителях, о насилии в отношении престарелых людей, критичные оценки в средствах массовой информации. Еще более симптоматичным представляется то, что в апрельском противостоянии власти и оппозиционных сил впервые за последние годы не был раскручен образ компетентных и рациональных аксакалов, в

зависимости от ситуации выступающих в поддержку, с осуждением и пр. В стране незаметно присутствие национальных аксакалов – СМИ не репрезентируют их позиций.

Представляется, что складывающаяся ситуация в отношении института аксакальства – симптом более глубокой тенденции исторического развития, которую в целом можно назвать как «рефеодализация». Реально влияющие на политические решения группы элит, а также сросшиеся с ними криминальные структуры сегодня находятся в ситуации междоусобных войн. И в повестке дня *востребован образ брутально – сильного, молодого воина*. Социальная практика и доминирующие дискурсы выдвигают все новые имена «доблестных батыров» на звание легитимных героев – будь то криминальный авторитет, молодой и особо жестокий Рыспек Акматбаев, не скрывающий своих националистических проектов раздела влияния в стране, бывший премьер-министр и лидер оппозиции, «железный генерал» Феликс Кулов, или глава милицейской рати, министр внутренних дел, генерал Ногойбаев.

Поле власти приобрело новые характеристики, и капиталы аксакалов не позволяют им более доминировать в сфере общественного влияния на власть и в сфере символической репрезентации власти. Символическое пространство все больше характеризуется, на мой взгляд, переходом от концепта дофеодального развития кыргызского общества к рефеодальному проекту разделу власти. Пришло время других героев. Которые, впрочем, так же, как и аксакалы, представляют проект будущего с «удержанием, консервацией исторического прошлого».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интересно, что в кыргызском языке закрепилось с дофеодальной истории расширительное понимание слова «аксакал» или, вернее, многообразность данного статуса. Статус аксакал присуждался не только человеку (мужчине), но и наиболее значимым формам собственности номадического общества: царской / байской юрте, самому лучшему скакуну в табуне – тулпару. Глоссарий: «Аксакал»: это человек старшего возраста, умудренный опытом, справедливый в поведении, обладающий уважением и почетом среди других, известный своим критичным разумом, оказывающий влияние своими внутренними и внешними качествами. Советов таких

мудрецов искали баи и манапы, они были окружены уважением и их слова беспрекословно выполнялись (примерами могут служить старцы Кошой, Бакай из эпоса «Манас»). См.: Кыргыздын коонорбос доолоттору, Бишкек: Шам, 2000. С. 13.

² Герой национального эпоса кыргызов.

³ *Абрамзон С.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Ф.: Кыргызстан, 1990. С. 178-179.

⁴ Закон КР «О судах аксакалов» в редакции от 30 июля 2003 г.

⁵ Суды обычного права – в ряде стран самостоятельный вид судебных учреждений, действующих на основе обычного права (адата) и применяющих его нормы. Как правило, не включаются в судебные системы, а лишь дополняют их в части рассмотрения споров, возникающих между членами одной родо-племенной группы. Суды обычного права достаточно успешно функционируют в ряде стран Тропической Африки и Океании. С 1993 г. подобные судебные институты восстановлены и в отдельных государствах-членах СНГ (напр., суды аксакалов в Кыргызстане) см.

http://www.ca-c.org/journal/12-1997/st_02_gumaev.shtml

⁶ Неписанное мусульманское право.

⁷ Исследователь-культуролог Акматалиев А. говорит о том, какой, согласно традиции, надлежит быть опытной и зрелой женщине – «набаттуу байбиче», то есть «сахарно-сладкой старушке». Чтобы соответствовать такому званию следует: «служить на всех тоях и поминках, быть искусной (имеется в виду в домашнем хозяйстве), быть наблюдательной, не участвовать в тяжбах и сомнительных начинаниях, не ругаться, мало говорить, много слушать, быть покладистой...».

⁸ Глубокие ямы, в которых принято, в соответствии с адатом, как в тюрьме содержать преступников.

⁹ *Ерл Л.* и др. Развитие сообществ в республике Казахстан, Кыргызской республике и республике Узбекистан: последний опыт и извлеченные уроки. Интрак, 2004. С. 32

¹⁰ Сравнительный анализ трансформационных процессов в Кыргызстане и Нигерии: активность гражданского общества как выход из переходного состояния // Конституционное строительство президентско-парламентских взаимоотношений на постсоветском пространстве. Бишкек, 2003. С. 53.

¹¹ *Бурдые П.* Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики. М.-СПб.: Алетейя, 2005. С. 300.

¹² Образы власти в политической культуре России / Под редакцией проф. *Е.Б. Шестопал.* М, 2000. С. 124.

¹³ *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Часть 2. М., Праксис, 2005. С. 17.

¹⁴ В акаевский период правления формируются политические династии, многие новые политики, пришедшие во власть, – дети советских номенклатурщиков: например, династии Айтматовых, Масалиевых, Султановых, Ибраимовых и др.

¹⁵ Начиная с весны 2005 г., формируются и профессионализируются группы сельских женщин-пикетчиц. Они выступают в зависимости от обстоятельств как силы примирения или конфронтации, в образе матери и в образах дочерей и пр. Изучение данного феномена – предмет отдельный, но визуализация в общественной жизни этих групп связана именно с упадком института аксакальства.

¹⁶ Влияние гражданского общества на человеческое развитие // Отчет по человеческому развитию. Бишкек: ПРООН, 2005. С. 79.

¹⁷ Принцип AGIL (adaptation, goal, integration, latent) по мнению классика структурного функционализма Толкотта Парсонса, представляется необходимым и достаточным условием воспроизводства структуры, института.